

ВЕСЕЛЫЕ КАНИКУЛЫ
ПОВЕСТИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

«Веселые каникулы. Повести для школьников»

«Мутантики»

«Королева мутантиков»

«Сокровища мутантиков»

«Город динозавров»

«Король хитрости»

«Колесница призраков»

«Галактический зверинец»

«Звездолет из каменного века»

«Юный граф Дракула»

«НЛО прибывает по расписанию»

«Тайна «Звездного странника»

«Сердце пирата»

«Гладиатор забытых созвездий»

«Пират против всей галактики»

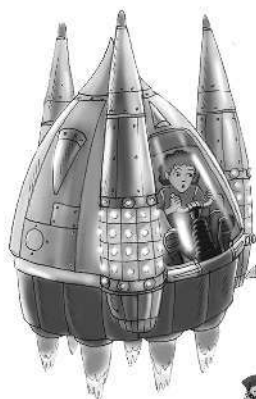
«Планета Черного Императора»

«Месть мертвого Императора»

МЕСТЬ мертвого Императора

Дмитрий ЕМЕЦ

Звездолет
к старту
готов!
А ты?

Москва 2015

ЭКСМО

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е 60

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *Марины Лесковой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е 60 Месть мертвого Императора : [повесть] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Веселые каникулы. Повести для школьников).

ISBN 978-5-699-74250-9

Сереза давно мечтал о компьютере — и вот он стоит у него на столе. Однако компьютер какой-то необычный... Он предлагает Серезе уничтожить Землю, и тот, считая все игрой, запускает программу, отменить которую нельзя... Свершилась воля покойного Галактического Императора: Земле остается всего триста часов до завоевания. База киборгов, вызванных компьютером, уже в Солнечной системе. Сумеет ли Сереза и его друг, космический капитан Гугль, остановить адскую машину? Время уже пошло...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-74250-9

© Емец Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава I

ОДНАЖДЫ МНОГО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Э то был город, самый настоящий город, с башнями, разводными мостами, небоскребами, улицами и площадями, парком, прудом, автомобильными трассами и даже с небольшой железнодорожной веткой из трех станций, по которой из центра до пригорода ходил единственный локомотив с тремя вагонами.

По вечерам, когда темнело, в городе зажигались фонари и почти в каждом окне вспыхивал живой огонек. Одно было странно — на улицах этого города никогда не появлялись прохожие, и они всегда оставались пустыми.

Город этот находился не в Европе, и не в Азии, и ни на одном из других континентов. Он вырос на большом письменном столе в комнате Сережи. Его дома были из пластмассы и картона, с фундаментами из детских конструкторов; деревья — тоже искусственные — из проволоки

и цветной бумаги; автомобили, хоть и железные, с открывающимися дверцами, но в несколько десятков раз уменьшенном размере. Даже железная дорога — гордость этого города — не была настоящей, а дистанционно управлялась с помощью антенного пульта.

Большую часть своего города, если не считать машинок и железной дороги, Сережа создал сам — из картона, фанеры, цветной бумаги, деталей от множества конструкторов и маленьких лампочек для елочной гирлянды. Это было сделано для того, чтобы все окна, прорезанные в фанере за маленькими разноцветными стеклами, попеременно зажигались и гасли, как это бывает всегда по вечерам в настоящих городских домах.

В момент, когда мы начинаем свой рассказ, в вечерних сумерках при выключенной большой лампе Сережа сидел на кровати и смотрел, как на столе светится огоньками его город. Он нажал на кнопку пульта дистанционного управления — и застучал по стыкам рельсов его локомотив, направляясь из центра в пригород; заскрипели на новеньких рессорах три вагончика — один пассажирский и два товарных.

В полутьме комнаты город не казался игрушечным, он был настоящим, но просто мы на него смотрим с большого расстояния. Иллюзия была настолько полной, что когда Сережа поворачивался и разглядывал в окно Москву, то настоящий огромный город, в котором он жил, с каменными домами и заасфальтированными

улицами, казался ему менее реальным, чем собственный, созданный его фантазией.

Мальчик мог еще долго смотреть на город-макет, но увидел, что почти семь, а значит, скоро должна вернуться с работы мама. Отжавшись на руках, он подтащил свое непослушное тело к краю кровати, ловко поймал ручку кресла-коляски и придвинул ее ближе. Для непривычного человека это было бы сложно, но многолетняя практика сказывалась на его движениях, и Сережа уже делал все автоматически. Вначале придвинул кресло боком, потом положил одну руку на его сиденье, а другую — на жесткую доску кровати, потом немного отжался, развернул ноги и быстрым привычным толчком перебросил тело в каталку. В этот момент нужно следить, чтобы колеса не откатились, потому что тормоза работают плохо, но с этим тоже можно справиться, если прижать кресло ручками к стене за кроватью.

Сереже было одиннадцать лет, из них шесть он был инвалидом, и, по мере того как он рос, одна коляска сменяла другую. Для одиннадцатилетнего мальчишки шесть лет — это большая часть его жизни, и он уже не помнил, когда сам умел ходить. Иногда во сне он видел себя в детстве, как он стоит на газоне перед домом, но очень смутно и неопределенно.

Медицинский диагноз — Сережа знал наизусть эти часто повторяемые мамой и врачами слова — «травматический перелом нижнего отдела позвоночника с параличом нижних конеч-

ностей». Когда ему было пять лет, он неудачно прыгнул с качелей и очень сильно ударился спиной о бордюрный камень. Так он стал инвалидом. Позднее Сережа узнал, что в позвоночном канале расположен спинной мозг, и когда двигательные корешки мозга повреждены, утрачивается способность к движению. С тех пор мальчик уже не ходил.

Когда Сереже было десять лет и мама приехала с ним к очередному профессору, мальчик услышал через дверь, как доктор громко сказал: «Кого-нибудь другого я стал бы обнадеживать, даже обманывать, но вы ведь сама врач. И как врач вы не можете не знать, что наука пока ничего не придумала против такой травмы. Он никогда не будет ходить». — «Никогда? Вы ничего не понимаете!» — воскликнула мама и заплакала.

Через некоторое время она вышла к Сереже, не зная, что он все слышал, и, пытаясь казаться веселой, сказала: «А что, если нам съездить в «Детский мир» и купить тебе самый большой конструктор? Помнишь, о каком ты мечтал?» Они поехали в магазин и купили игру. И в тот же вечер мальчик начал строить свой город, который за последние годы разросся и занял весь стол, а на сооружение мостов, домов, парков и всего хозяйства ушло уже с десятков конструкторов.

Сережа не сказал маме, что слышал те слова профессора. Она и сейчас продолжала верить, что когда-нибудь сын будет ходить, и каждый

день они по часу утром и по полчаса вечером делали специальные упражнения. «Когда-нибудь ты станешь здоровым, я знаю», — говорила мама, и мальчику казалось, что она больше убеждает себя, чем его.

Вращая металлические хромированные ободопоручни, которые передвигали колеса, Сережа поехал на кухню. Он знал, что первым делом, когда мама вернется, она спросит, обедал ли он, а он так увлекся своим городом, а потом уравнениями по алгебре, готовясь к экзамену, что забыл пообедать. И поэтому, чтобы лишний раз не огорчать маму, он быстро съел немного супа прямо из кастрюли и сосиску с пюре, чтобы видно было, что он был на кухне.

Обычно мама приходила не позже десяти минут восьмого, но сегодня она почему-то задерживалась. «Может быть, у нее машина сломалась?» — подумал Сережа.

У них был маленький двухдверный автомобиль «Ока», и он нередко ломался, к тому же на московских дорогах часто бывают пробки, особенно поздней осенью в дождливую и сыльную погоду. Мама была не очень хорошим водителем, как она себя называла — «автомобилисткой поневоле». Но когда у тебя сын, передвигающийся только на коляске, которого нужно два-три раза в неделю возить на лечебную гимнастику, без машины не обойтись. Впрочем, свою «Оку» мама водила очень осторожно, на самой маленькой скорости, придерживаясь правой крайней полосы и не обгоняя даже тихо-

ходные автобусы. «Тише едешь — дальше будешь», — говорила она.

Было уже без пятнадцати восемь, а ее все не было. Сережа начал уже беспокоиться, не заглох ли у машины двигатель, не попала ли мама в аварию, когда на их площадке остановился лифт. Вращая колеса своей коляски, он выехал из кухни в коридор, остановившись у входной двери, и услышал, как повернулся ключ.

— А вот и я! Заждался? — весело спросила мама и, радостно отдуваясь, внесла в квартиру большую картонную коробку.

Она была молодая и красивая, ей не было и тридцати шести, она часто улыбалась и старалась казаться веселой, но глаза у нее всегда были печальные, а около губ появились малозаметные для посторонних грустные морщинки.

— Не загораживай дорогу, дай мне пройти! — скомандовала она.

Сережа отъехал в сторону, мама еле внесла коробку в комнату и с облегчением опустила ее на диван.

— Тяжелая. Хорошо хоть тащить пришлось только от машины.

— А что в ней?

— Сюрприз.

— Сюрприз? Какой?

— погоди, я еще не все принесла. Не открывай без меня. Обещаешь? — И, не присев, она снова спустилась к машине и вскоре вернулась еще с одной коробкой поменьше, на которой было написано:

ОСТОРОЖНО!

Не кантовать свыше шести рядов!

— Теперь все, — сообщила мама, ставя все коробки на диван. — Я купила тебе компьютер. Хотела подарить тебе его на Новый год, но подарю сейчас. Зачем ждать?

Сереза давно уже втайне мечтал о компьютере, но не смел даже заикаться об этом. Эта современная техника стоит дорого, а денег, хотя мама много работала, у них всегда не хватало. Наверное, ей пришлось несколько месяцев откладывать понемногу, пока наконец она смогла его купить.

— Тут еще премия неожиданная подвернулась, чему я очень обрадовалась. А то бы не видать тебе его как своих ушей, — радостно говорила мама.

— А когда мы его включим? Прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Сереза.

— Тише едешь — дальше будешь. Там в коробках полно всяких проводов, сетевых кабелей, клавиатура. Я думаю, нужно вначале поужинать, а потом разберемся.

Мама решительно отправилась на кухню, а Сереза последовал за ней на своей коляске. Он не любил, когда его коляску сзади толкали за специальные ручки, он ведь не совсем беспомощный, и поэтому даже на улице предпочитал передвигаться самостоятельно, запрещая жалостливым людям помогать себе. Мама знала об этом и выручала сына только в самых труд-

ных случаях: на съезде со ступенек или когда нужно было перебраться из коляски в машину.

Уже в коридоре Сережа услышал, как она недовольно гремит крышкой кастрюли.

— Так я и знала. Опять не ел, а только поковырял.

— Мне не хотелось.

— Знаю, что не хотелось. А ты заставь себя, скажи себе: надо!

Мама решительно придвинула табуретку и опустилась на нее напротив кресла сына. Сережа видел, что она вся как натянутая струна. Должно быть, на работе она устала, вдобавок пробки на дорогах, потом покупка этого компьютера — все теперь сказалось. И он знал, что мама сейчас начнет разговор о том, что говорила всегда.

— Ты не имеешь права быть тряпкой! — в сердцах воскликнула она. — Именно потому, что ты инвалид и прикован к этому креслу, ты должен быть сильным. Сильнее и умнее, чем все остальные.

— Быть сильным?

— Я не имею в виду мышцы, руки у тебя и так достаточно крепкие. Сила — это воля, характер, упорство, умение переступать через «не могу» и «не хочу», через себя, умение достичь невозможного. Здоровый ребенок иногда может позволить себе быть слабовольным дураком, но ты — нет. Он может лениться или бездельничать, но ты не имеешь права. У тебя нет выбора: нужно или стать лучшим и первым, чтобы

люди забыли о твоём увечье и перестали наконец тебя жалеть, или навсегда повиснуть в этом кресле дряблой тряпкой. Докажи всем, что ты все можешь, докажи сам себе!

Она вскочила, взялась за ручки коляски и развернула ее к себе.

— Да, тебе никогда не стать бегуном или прыгуном, — горячо продолжила мама, — но, в конце концов, не все спортсмены. Все остальное для тебя открыто. Стань ученым, писателем, композитором, музыкантом, программистом, архитектором или еще кем-нибудь, но не каким-нибудь средненьким, а первым! У тебя даже есть преимущество перед остальными! Другие могут проиграть, многие из них даже часто не знают, что участвуют в соревновании под названием «жизнь», а ты проиграть не должен. Здоровые дети могут целый день бегать вокруг дома, играть в снежки, кататься на велосипеде или заниматься другой ерундой, ты же этого позволить себе не можешь. Занимайся, учись, совершенствуйся, набирайся знаний, и с каждым днем твое преимущество будет все ощутимее.

В этот раз не было сказано ничего нового, Сережа полностью разделял мамино мнение. Возможно, ее слова стали постепенно его собственными мыслями и его жизненной программой. Хотя мальчику не было еще двенадцати, он уже закончил экстерном семь классов.

С начала девяностых годов в России была разрешена новая система образования. Все дети от шести лет, имеющие способности или просто

настойчивые, могли учиться дома самостоятельно по ускоренной школьной программе, а потом, когда все предметы за очередной класс были пройдены, предстояло сдать экзамены. Если все они были сданы, ученик переводился в следующий класс.

Таким образом талантливый, усидчивый ребенок мог закончить школу за три-четыре года, проходя в год самостоятельно программы за несколько классов. Разумеется, далеко не у всякого хватит силы воли и терпения заниматься по пять-шесть часов в день, но у Сережи было и время, и терпение, и напористость.

Русский язык и литературу он сдал уже за восемь классов; английский язык — за девять; физику, алгебру и геометрию, как науки точные и трудные, пока только за семь. По биологии и химии ему помогала мама, которая как врач неплохо знала эти науки, и Сережа сдал экстерном по этим предметам за среднюю школу. К тринадцати с половиной — четырнадцати годам он планировал окончить школу, а там уже можно, не теряя времени, поступать в институт. В его стремлении не было ничего невозможного. Ученики, получившие высшие баллы за школьный курс, зачислялись в вузы без экзаменов. Если этот план удастся, думал Сережа, то на этом отрезке жизненной гонки он опередит всех здоровых ровесников на три-четыре года, а там видно будет.

Мама замолчала и, отвернувшись к окну, быстро промокнула глаза тыльной стороной ладони.

— Прости! Сама не понимаю, что на меня нашло. Терпеть не могу эти полные кастрюли и надкушенные сосиски... Ты все еще хочешь подключить компьютер?

— Разумеется, хочу.

— А ты уже решил, на какой из двух столов мы его поставим? Твой город сдвигать не будем?

У мальчика в комнате было два письменных стола: на одном расположился его город, а на другом лежали учебники и тетради.

— Город трогать не будем. Поставим туда, где учебники.

— А где ты будешь заниматься? Компьютер займет довольно много места, — встревожилась мама.

— Пока позанимаюсь на журнальном столике, мне на нем даже удобнее, а там посмотрим.

— Договорились. Только компьютер не должен помешать урокам. Обещаешь?

— Обещаю.

Она внесла процессор в Сережину комнату, а монитор он сам довез туда на своей коляске, поочередно вращая колеса и придерживая его свободной рукой. Он сдвинул учебники, освободив место, а мама распаковала процессор, освободив его от картона и пенопласта, которым он был проложен в коробке.

Так как раньше Сереже не приходилось работать на компьютере, а мама использовала его редко и не очень уверенно владела им, они потратили немало времени, пока разобрались, что